

Пешина Калиса Сергеевна
магистрант филологического факультета
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
alisapeshina@yandex.ru

ТОПОНИМЫ, МОТИВИРОВАННЫЕ ИМЕНЕМ ИЛИ ПРОЗВИЩЕМ ЧЕЛОВЕКА, В ПРЕДАНИЯХ ПЕРМСКОГО КРАЯ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ,
проект № 16-34-00007-ОГН «История Северного Прикамья в зеркале фольклора
(на материале публикаций XIX – начала XX вв.)»*

Статья посвящена характеристике основных особенностей топонимических преданий, зафиксированных на территории Пермского края. Рассматривается группа сюжетов, в которых топоним мотивируется при помощи указания на имя (или прозвище) человека. Материалом для работы послужили источники XIX в. и записи из фольклорного архива ПГНИУ.

Ключевые слова: топонимия, топонимическое предание, фольклорная антропонимия.

В общем объеме фольклорной исторической прозы выделяется массив топонимических преданий. Как показывает даже самый беглый обзор исследований по теме, тексты данной жанрово-тематической разновидности распространены по всей территории России и являются объектом интереса многих ученых, причем в различных аспектах [Березович 2015; Донгак 2013; Ильина 2006]. Н.А. Криничная относит топонимические предания к группе преданий о заселении и основания края, выделяя топонимический элемент лишь как один из многих, формирующих эту обширную группу: «Мотив происхождения географического названия сложился в рамках цикла о заселении и освоении края, где он иногда играет сюжеттообразующую роль, но чаще занимает периферийное положение. В отличие от других равноправных с ним мотивов он получил в научном обиходе собственное название – топонимический. Этот мотив является одним из способов выражения локальной приуроченности предания, что служит его неотъемлемым жанровым признаком» [Криничная 1991а: 17]. Несмотря на такую «подчиненную» роль топонимических преданий в общем корпусе текстов исторической прозы, мы считаем целесообразным рассматривать их как отдельную, самоценную совокупность, имея в виду довольно большое их количество и разнообразие.

Материалом для нашего исследования послужили тексты, собранные в ходе фольклорной студенческой практики и научных экспедиций филологического факультета ПГНИУ на территории Пермского края (в прошлом – Пермской области) в разное время (1972, 1978, 1983–1993, 1995, 2000–2005, 2010 гг.). Для сопоставления привлекаются данные XIX в. С опорой на «Указатель типов, мотивов и основных элементов преданий» Н.А. Криничной [Криничная 1991б] мы выделили основные группы топонимических преданий, зафиксированных на территории Пермского края, и предприняли попытку охарактеризовать специфику каждой из них. Всего было учтено 165 архивных текстов.

В основу указателя Н.А. Криничной положен следующий принцип: тип топонимического предания определяется в зависимости от того, чем мотивируется топоним, появление которого описано в предании. Наиболее многочисленными в нашем материале оказались три группы: 1) название объясняется через обращение к имени (фамилии, прозвищу) лица (основателя поселения, первого жителя или другого); 2) топоним мотивируется обращением к физическим характеристикам местности; 3) предания с произвольной мотивировкой (по случайному признаку, так называемая «народная этимология»). Здесь мы остановимся более подробно на преданиях первой группы. Они широко распространены по всей территории Пермского края.

Итак, одна из наиболее обширных групп топонимических преданий – та, в которой происхождение названия связывается с именем: *«Один из крепостных строгановских бежал в летнее время, по лесам рыскал, а когда холодать стало, ринулся назад и наткнулся на выходы медной руды здесь. Вот он пришёл, сказал, что есть новое месторождение. И хотя Строгановы не очень хорошо относились к разработкам медной руды, но поскольку здесь в Романове солёных промыслов не было, то решили, пусть медь. А этого поставили управляющим на эти прииски. А звали его Роман. Вот и Романово село»* (Усольский р-н, 2004 г.). Всего текстов, где фигурирует имя, в нашем материале 20. Топоним может связываться с фамилией: *«Приехал издалека мужик по фамилии Меновщиков, стал строиться, семья у него была большая. Земля очень хороший урожай давала, люди с округи потянулись туда строиться. С тех пор и пошло – деревня Меновщики»* (Очерский р-н, 1992 г.). Подобных записей также обнаружено 25. Наконец, в отдельных случаях встречаются прозвища: *«(А за рекой у нас деревня Кочи. Это, наверно, потому что болотистое место, кочки?) Нет, говорят, что туда человек первый пришёл. Коча прозвище ему было. От него и все люди пошли»* (Кишертский р-н, 1984 г.). Прозвища встретилась в 2 текстах топонимических преданий.

Красноречивой нам представляется следующая деталь: некоторые

информанты сами формулируют общий принцип мотивировки топонимов: *«Деревень раньше много было: <...> А деревни так назывались по фамилии первопроходца»* (Красновишерский р-н, 2005); *«(А почему кладбище у вас «Забойкой» называется?) А видно, фамилия была какая-то. У нас и от Шабура местность называлась Шабурной. Все больше ведь по именам давали, то есть по фамилиям»* (Александровский р-н, 2003). Приведенные цитаты демонстрируют убежденность самих носителей фольклора в том, что топоним должен образовываться от какого-либо имени, и можно предположить, что часть из них на этом основании *ремотивируется* населением.

Фольклорная ремотивация топонима – термин, предложенный Е.Л. Березович. Согласно ее формулировке, это «попытка объяснения внутренней формы топонимов с помощью произведений устного народного творчества или в связи с ними» [Березович 1999: 4]. Похоже, что именно так и произошло с названием деревни в Чернушинском районе: *«В этой деревне очень давно жил богатый человек Саул. По его имени и стали называть эту деревню. Правда, потом, через какое-то время название изменилось, стало Есаул»* (Чернушинский р-н, 1991). Прозрачная, на первый взгляд, внутренняя форма современного названия почему-то потребовала усложненной мотивировки, установления связи с неким конструируемым антропонимом.

Наибольшим количеством вариантов в нашем материале представлен сюжет о происхождении двух деревень в Красновишерском районе – Антипина и Паршакова (все тексты записаны в 2005 г.); названия эти соотносятся с именами двух братьев – Антипы и Паршака. В некоторых вариантах сюжета топонимический мотив уходит на периферию, уступая место мотиву выбора места для поселения и часто контаминирующей с ним ситуации спора/соревнования: в споре персонажей выясняется, кто из них будет жить внизу, а кто – наверху (по отношению к течению реки). В фольклорном нарративе спор разрешается состязанием: кто победит, тот выберет предпочтительное место. Само испытание варьирует: кто дальше прыгнет (*«И они поспорили – кто перепрыгнет через камень, тот будет жить наверху, а кто не перепрыгнет, будет жить внизу»*); *«Стали перепрыгивать речку. Антип прыгнул на один камень – стали то селение называть Антипина; а Паршак прыгнул на другой камень, и стали называть то селение Паршакова»*; *«...Кто с камня на камень перепрыгнет, тот будет жить вверху, а кто недопрыгнет, будет жить внизу. Вот Антип прыгнул – перепрыгнул, а Паршак прыгнул – недопрыгнул»*); кто дальше бросит камень (*«Решили два камня кидать... Кто дальше кинет, тот будет дальше, выше жить... Кто ближе – тот здесь будет жить»*); кто победит в драке (*«И решили они выйти в чисто поле и поме-*

риться силой. Дрались три дня и три ночи, и победил Антип, стал жить на горе, Паршак – под горой, около горы»). Как уже было сказано, герои предания обычно позиционируются как братья, но представлены и другие варианты: *«жили два богатыря русских Антип и Паршак», «как-то возвращаются два солдата: Антип и Паршак».*

В то же время, как мы отмечали выше, собирателями были записаны и более простые варианты преданий, где есть только указание на имена или фамилии основателей: *«Названия деревень Паршакова, Антипина – от имен Парфен (Порфирий) и Антип»;* *«У нас в Антипина сначала все Антипины были, а в Паршакове все Паршаковы были. Отсюда название деревни пошло»,* – подобные версии остаются вполне вписанными в ряд типичных преданий с отыменными топонимами.

Количественное сопоставление показывает, что в качестве мотивирующего антропонима информантами немного чаще выбирается *фамилия*, а не имя человека. Впрочем, объяснение происхождения некоторых топонимов в преданиях сохраняет несколько параллельно бытующих вариантов: от имени и от фамилии. Интересно, что в случае с названиями Антипина и Паршакова заметно более активным оказывается вариант с отыменной мотивировкой. Полагаем, что расширение материала, в том числе за счет привлечения текстов XIX и XXI вв., позволит уточнить наши наблюдения в этом отношении и увидеть более четкие закономерности, если они есть.

Нами была замечена еще одна любопытная, на наш взгляд, характерная особенность рассматриваемых текстов. В ряде преданий, мотивирующих название по имени основателя, есть четкие указания на богатство этого первопоселенца: *купец, богатый человек, богач* – такие характеристики встречаются в 8 записях из разных районов края (Пермского, Красновишерского, Оханского и др.), например: *«Да, говорят, богач какой-то, Мошев, жил»* (Сивинский р-н, 1985); *«А её Кулаков основал. Купец»* (Чердынский р-н, 1988); *«Да, говорят, Пылай тут жил, богатый человек»* (Краснокамский р-н); *«В этой деревне очень давно жил богатый человек Саул. По его имени и стали называть эту деревню. Правда, потом, через какое-то время название изменилось, стало Есаул»* (Чернушинский р-н, 1991). Несмотря на то что, по указанию Н.А. Криничной, мотив феодальной колонизации обычно редко проявляется в преданиях о заселении и освоении края [Криничная 1991а: 16], на нашем материале он, кажется, проявляется сравнительно активно.

В качестве основателей поселений на Урале фигурируют также «беглые» разного рода: крестьяне, солдаты, в одном случае зафиксирован даже «беглый царь»: *«А вот люди говорили, бежал-де беглый царь, Романов этот, беглый бежал. Отсюда и началось название Романиха»* (Крас-

новишерский р-н, 1988 г.). Иногда топоним мотивируется именем не первоначальника, а другого лица, например завоевателя: «...*Родители, старики рассказывали, что мол давненько татарин Опач завоевал деревню. От него и пошло, мол*» (Ординский р-н, 1992 г.); разбойника: «*И Соколий луг есть. А зовут его так, потому что сокол – разбойник там проходил, разбойничал*» (Еловский р-н, 1990 г.); официально признанного местного героя: «*Там, где сейчас Ванькова, туда пришел герой с войны, и была его фамилия Ваньков. И поэтому деревню называют Ванькова*» (Красновишерский р-н, 2005 г.).

Как показала работа с газетой «Пермские губернские ведомости», осуществлявшаяся в фондах Пермского краеведческого музея, предания, возводящие топоним к имени некоего лица, встречались с определенной частотой и в XIX веке. Приведем примеры, попавшие на страницы прессы: «*Название р. Тулвы произошло, как говорят, от богатого татарина, жившего на ее берегах – Тулубая*» [«Переписные Осинские книги...» 1880: 76]; «*Село Архангельское до основания церкви Михайло-Архангельской называлось Карповым, от имени первого поселенца Карпа в этом месте. Впрочем, оно и в настоящее время в народе известно под именем Карпова*» [Шишонко 1883а: 309]; «*Название села Кудымкор, очевидно, нерусское. <...> У жителей есть предание, что какой-то человек, называвшийся Кудымом, был первый житель настоящего села. Указывают даже место жительства его на крутом берегу речки Кувы*» [Шишонко 1883б: 355]. Любопытна подборка топонимов Пермской губернии, связанных с именем Ермака, приведенная в статье, посвященной трехсотлетию завоевания Сибири: несколько Ермаковых городищ, Ермаковский рудник, Ермак-камень и др. [Память о Ермаке в Пермском крае 1881: 370].

В целом, топонимические предания Пермского края отражают специфику истории и культуры региона, что выражается в преобладании преданий, объясняющих название поселения указанием на его основателя. Примечательны также характеристики таких первоначальников: новгородцы, беглые, разработчики медных или других месторождений. Выбор фамилии в качестве мотивирующего антропонима показывает, что на современном этапе именно фамилия воспринимается как наиболее существенное обозначение лица; другим фактором, подвергающимся фольклорному осмыслению, становится преобладание какой-либо фамилии в селе или деревне. Возможно, это более поздняя тенденция, возникшая в условиях, когда «нормальным», типичным становится наличие в поселении множества разных фамилий. В перспективе расширение материала и сопоставление современных записей с текстами, зафиксированными в более ранние и поздние периоды, позволит уточнить наши выводы и, возможно, выявить другие, менее явные, тенденции.

Библиографический список

Березович Е.Л. Топонимия и исторические предания: к вопросу о взаимодействии различных версий этнокультурной информации // Ономастика и диалектная лексика: Сб. науч. трудов. 1999. Вып. 3. С. 3–30.

Березович Е.Л. Топонимическое предание и исторический факт (на материале преданий о разбойниках восточного Вологодско-Костромского пограничья) // Вопросы ономастики. 2015. №1(18). С. 108–133.

Донгак А.С. Сюжетно-тематические циклы топонимических преданий юго-восточной тувы // Всеобщая история. 2013. №3. С. 17–26.

Ильина Г.Г. О некоторых особенностях чувашских топонимических преданий // Вестник Чувашского университета. 2006. №4. С. 396–399.

Криничная Н.А. Предания русского Севера. URL: http://www.kolamap.ru/library/1991_krinichnaya.html (дата обращения: 14.03.2018).

Криничная Н.А. Указатель типов, мотивов и основных элементов преданий. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/krinichnaya1.htm> (дата обращения: 15.03.2018).

Переписные Осинские книги князя Ивана Дашкова 1678 года / поясн. В.Н. Шишонко // Пермские губернские ведомости. 1880. №15. С. 76–77.

Память о Ермаке в Пермском крае (Исторический Вестник) // Пермские губернские ведомости. 1881. №74. С. 370.

Шишонко В.Н. Историко-статистическое описание низших учебных заведений г. Соликамска с уездом его с приложением летописей как городу, так и селам, где имеются учебные заведения // Пермские губернские ведомости. 1883. №59. С. 309.

Шишонко В.Н. Историко-статистическое описание низших учебных заведений г. Соликамска с уездом его с приложением летописей как городу, так и селам, где имеются учебные заведения // Пермские губернские ведомости. 1883. №68. С. 355–356.

K.S. Peshina

Master Student of Philological Faculty
Perm State University

TOPONYMS, MOTIVATED BY A NAME OR A NICKNAME OF A PERSON, IN TOPONYMIC LEGENDS OF PERM REGION

The article is devoted to description and characteristics of the main features of toponymic legends of Perm Region, in which toponyms are motivated by a name or a nickname of a person. Research materials are texts of the 19th century and notes of the 20th century from PSU folklore archive.

Key words: toponyms, toponymic legends, folk anthroponomy.